

Syromlia N. Features of communicative space of modern ukrainian children magazines (linguistic pragmatics aspect).

The paper analyzes linguistic specialties of communicative space of modern Ukrainian children magazines. A system of the key notions of linguistic pragmatics is used. Communicative space is viewed in pragmlinguistic aspect, so some spheres such as speech, axiological and cognitive ones are defined. In the article, the linguistic means of a speech sphere are studied. Functioning and interaction of verbal and nonverbal components of the speech sphere explicates some communicative strategies used in communicative space of children journals such as a strategy of politeness, a strategy of tolerance, an invasion strategy. Extralinguistic factors influence on the choice of the used strategy.

Keywords: *communicative space, linguistic pragmatics, children magazines, speech sphere, communicative strategies.*

Титаренко М. В.

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

РОЛЬ ПОДТЕКСТА И ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА)

Статья посвящена экспликации социального статуса персонажей в художественном тексте и роли в этом процессе подтекстовой информации. На материале кратких рассказов А. П. Чехова проведен анализ знаков, которые передают статус. Особое внимание уделено фоновым и энциклопедическим знаниям читателя, которые влияют на адекватную интерпретацию статуса.

Ключевые слова: *социальный статус, подтекст, экстралингвистический фактор*

Социальный статус очень важен для характеристики образа персонажа, однако А. П. Чехов, признанный мастер детали, у которого “в произведениях отображена галерея различных образов, характерных для русского общества того времени” [7, с. 30-31], переносит такого рода информацию в подтекст, сигнализируя о социальном статусе отдельными деталями. То есть социальный статус представлен имплицитно, читатель самостоятельно интерпретирует знаки, которые его отображают, опираясь на личный опыт, фоновые и энциклопедические знания.

В. А. Вуколова в диссертационном исследовании обращает внимание на то, что фоновые и энциклопедические знания являются дополнительными факторами, оказывающими влияние на восприятия текста [4, с. 6]. Но следует учитывать, что объем фоновых знаний писателя и читателей не совпадает.

В связи с указанным выше особую **актуальность** приобретают исследования, посвященные экспликации подтекстовой информации, так как с развитием культуры многие знаки утратили для современного читателя

свою значимость, возникает необходимость их изучения и систематизации, учитывая культурные и социальные особенности эпохи, в которую был создан текст.

Целью данного исследования является определение роли подтекста при описании социального статуса персонажей в рассказах А. П. Чехова.

Проблема подтекста изучается не только отечественными и зарубежными лингвистами, но и литературоведами, философами, искусствоведами, психологами, имеджмейкерами и т.д.

С позиции лингвистики мы понимаем подтекст, вслед за Т. И. Сильман, как невыраженное словами, подспудное, но осязаемое для читателя или слушателя значение какого-либо события или высказывания (иначе говоря – какого-либо отрезка текста) в составе художественного произведения [8]. То есть это “такое содержание, которое не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя” [10, с. 12].

Таким образом, расшифровывая информацию из подтекста, читатель оперирует уже имеющимися у него знаниями, которые он извлекает из содержания текста (ситуативный вид содержательно-подтекстовой информации по И. Р. Гальперину), или опирается на накопленный личный или общественный опыт (ассоциативный вид содержательно-подтекстовой информации) [5, с. 45].

Так как речь идет о социальном статусе, то нас интересует второй вид содержательно-подтекстовой информации, эта информация связана с понятием “затекста”. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров используют термин “затекст” для обозначения тех внешних по отношению к художественному произведению жизненных обстоятельств, а также духовной атмосферы, в которой оно писалось [2, с. 131]. В. А. Вуколова также подчеркивает связь затекста с экстралингвистическими факторами, влияющими на восприятие подтекста, и отмечает, что в понимание затекста входят фоновые знания, вертикальный контекст и пресуппозиции [4; с. 27-28].

На основе вышесказанного приходим к выводу, что чем глубже у читателя знания и представления об эпохе, в которую был создан текст, тем лучше он воспринимает подтекстовую информацию, а с позиции нашего исследования адекватно интерпретирует социальный статус персонажа. В подтверждение данной мысли приводим следующее высказывание Н. В. Слухай: “Глубина восприятия подтекста реципиентом измеряется его общим интеллектуальным и культурным уровнем и прямо пропорциональна степени его ознакомленности с макро-контекстом произведения, всего творчества писателя, литературного направления, эпохи” [9, с. 11].

Рассмотрим значение одежды в рассказах А. П. Чехова для создания у читателя адекватных представлений о социальном статусе персонажей, так как одежда – это определенный знак личностных особенностей, она информирует о человеке. В оформлении внешнего облика индивида заключена целая иерархия знаковых систем. Костюм содержит информацию о возрасте, половой и этнической принадлежности личности, ее социальном статусе, профессии [15]. В то же время костюм связан с культурой и бытом народа. За последнее столетие изменилась как мода, так и восприятие у современниками ее особенностей

С древних пор костюм являл собой знак социального статуса хозяина: “Ее выражение, походка, *платье, прическа* говорили ему, что *она из порядочного общества*”. “В сумерках показалась моя Ариадна, *изящная и нарядная, как принцесса*; за нею шел *Лубков, одетый во всё новое и широкое, купленное, вероятно, в Вене*”, автор использует сравнение героине с принцессой, то есть наряд должен быть достойным королевской особы, а относительно Лубкова автор обращает внимание на то, что костюм был куплен в Вене (в 19-м веке Австрия была одной из “великих держав”, а Вена одним из богатейших городов, поэтому костюм был дорогим).

“На нем был теперь застегнутый сюртук и *поношенные парусиновые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженная, и весь он имел какой-то несвежий вид*” – парусина- ткань крепкая и недорогая, в данном эпизоде показано, что брюки уже очень старые, так как герой успел их стоптать. Неглаженная сорочка и несвежий вид свидетельствуют о небрежности в выборе туалета, которая свойственна людям с невысоким статусом. Чтобы показать, как изменилась жизнь Анны после замужества (соответственно, поменялся и ее статус), автор приводит следующие описания ее одежды: “*дешевую шляпку и дырочки на ботинках, замазанные чернилами*” (до замужества) и была в “*новом великолепном платье и в шляпке*”, “*бальном платье*” (после).

В рассказе “Ряженые” одежда также играет важную роль. Так, сидящая в театре дама “*одета роскошно*”, “*около нее лежит тысячная шубка*”, “*в коридоре ожидает ее лакей с галунами*”. Чиновник же из этого рассказа сидит во “*фраке и белыми руками*”. Фраки служили самым обычным одеянием имущих горожан [11, с. 153]. Но в данном примере следует обратить внимание на то, что чиновник сидит без перчаток, несмотря на то, что “*мужчинам к фраку полагалось носить белые или светло-желтые перчатки. Они должны быть идеально чистыми, плотно обтягивать руку и не лосниться*” [14]. Таким образом, автор подчеркивает то, что статус является приобретенным.

Толпа бродяг из этого же рассказа автором характеризуется, благодаря использованию синекдохи: *“толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек”*.

Следующий пример: “Портной-то, по ошибке, пришил вместо черных пуговиц светлые. Я и привык к светлым пуговкам, потому что *тот сюртучишко лет семь таскал...*” – герой сам говорит о том, что носил вещь семь лет, не имея возможности заменить ее, более того, портной, у которого был заказан сюртук, вряд ли был хорошим, иначе бы он не перепутал пуговицы, то есть у героя не было возможности изначально заказать хороший сюртук и в течение семи лет его положение не улучшилось. Более того, герой сам отзывается о своем наряде пренебрежительно, используя диминутив “сюртучишко”, сам суффикс –ишк-, по В. В. Виноградову, является презрительно-уничижительным [3]. Также глагол “таскать”, толкование которого в словаре С. И. Ожегова – носить (платье, обувь) долго и небрежно [16]. С помощью диминутива “одежонка” с суффиксом –онк- (также используется для экспрессии презрения [3]) автор также описывает прислугу: “Пантелей, в *одежонке с барского плеча* и с щенком под мышкой”, – подчеркивается, что одежда ранее принадлежала барину “с барского плеча”.

В большинстве случаев костюм помогает определить статус владельца: “Каждый раз я видел на нем *короткий, щегольской пиджак и ухарски завязанный галстук*” – щегольской – изысканно нарядный, франтовской [16], ухарский – свойственный ухарю, задорно-молодецкий [16]. “*Отставной профессор Павел Иванович Кнопка, в большом стародавнем цилиндре с широкими приподнятыми полями*” – цилиндр был куплен очень давно, так как используется эпитет “стародавний”. “В кабинет тихо вошла хорошенькая брюнетка, *одетая просто... даже очень просто*” – автор умышленно уточняет, что такой простой костюм вряд ли бы принадлежал светской даме, скорее всего, его обладательница небогата. Так же статус передается посредством усилительной частицы “даже”.

Генерал из рассказа “Тайный чиновник” одет как *франт* в “белой шёлковой паре и в белой фуражке”. Автор подчеркивает ткань: шелк – материал натуральный и дорогой, а также цвет, хотя “статусная семантика цвета в значительной мере условна” [6, с. 87], белый цвет достаточно не практичный, а непрактичность является знаком высокого статуса владельца костюма: “Время было уже близко к *жаркому и душному полудню*, однако это не помешало моей героине *нарядиться в черное шёлковое платье, застегнутое у самого подбородка и тискаами сжимавшее талию*” – кроме того, что платье черного цвета (является непрактичным в такой жаркий день), героиня еще, следуя моде, затянута в корсет.

Однако в рассказе “Тайный советник” автор, показывая, что по одежде не всегда точно можно определить статус, описывает лакея следующим образом: “я наткнулся на высокого, плотного господина, с фешенебельными бакенами и в франтовском пальто”, “вид этого Петра, одетого гораздо богаче, чем я и Победимский”. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что одежда может привести к ложному определению статуса с одной стороны, а с другой стороны, позволяет задуматься о статусе хозяина прислуги: “Он был одет с большим вкусом. Видно было, что на его туалет потрачено было немало времени и денег. Недешевый бархат и кумач плотно сидели на его крепкой фигуре. На груди висела цепочка с брелоками. Сапоги гармоникой были вычищены самой настоящей ваксой. Кучерская шляпа с павлиньим пером едва касалась его завитых белокурых волос” (речь идет у кучере барыни). В этом же примере используется прием иронии. Автор умышленно подчеркивает такой нерационально дорогой костюм прислуги, чтобы подчеркнуть чересчур благосклонное отношение барыни к кучеру.

В зависимости от социального положения у окружающих складываются стереотипы восприятия внешнего вида и одежды: “вместо солидности и генеральской тугоподвижности, я увидел почти мальчишескую вертлявость; вместо воротника, прущего под уши, – обыкновенный голубой галстук”. Различие социального положения может диктовать подход при выборе костюма у одной из сторон: “Не будь *братец* столичным, право, не стала бы я *шить* вам по-модному!”.

Особый интерес в нашем исследовании представляет форменная одежда. О. Е. Баженова рассматривает мундир как способ демонстрации социального статуса его владельца [1].

Семиотика костюма военнослужащего отображена в полном объеме в рассказе “Герой-барыня”: “Одно только утешение осталось ему: *красная подкладка*.[...] Наняли ему человека по городу его водить и подкладку показывать...” (Воротники, обшлага, фалды и подкладка генеральских мундиров были алого сукна). В данном примере прослеживается также ирония, так как у генерала, кроме алой подкладки, нет других статусных вещей, а стремление продемонстрировать свой статус достигает абсурда, и генерал нанимает человека, чтобы он показывал подкладку.

Знание этой особенности генеральского костюма помогает Шамохину из рассказа “Ариадна” определить чин и статус генерала на межкультурном уровне: “Прошел мимо *австрийский генерал*, заложив руки назад, *с такими же красными лампасами, какие носят наши генералы*”.

Отец Анны в рассказе “Анна на шее” при первом упоминании появляется “*в учительском фраке*”, что подсказывает его профессию и статус.

В рассказе “Смерть чиновника” Червяков надевает вицмундир (непременная форменная одежда чиновников) перед походом к генералу и в нем же умирает.

Ношение шляп также указывает на статус человека: о нем можно судить по материалу, из которого изготовлена шляпа, фасону, так как определенные фасоны соответствовали определенному социальному слою. Так, к примеру, “цилиндр и боливар стали символами аристократии и буржуазии” [13]. Также в 19-м веке цвет головного убора, шитье, пуговицы и кокарды регламентировались согласно ведомствам, что позволяло по фуражке определить социальное положение и место службы человека [13] – “Иван Иваныч купил *белую фуражку с кокардой*. Состоя в чине коллежского регистратора, он имел право носить кокарду...”.

Рассказ “Шляпный сезон” высмеивает одержимость общества семиотикой шляп: “– Вы сошли, батенька, с ума! – сказал ему один его приятель. – Нешто вы не знаете, кто теперь носит широкие поля?! Вы бы еще фригийскую шапку надели!!”, “– Что это ты, чучело, в цилиндр нарядился? – сказал брат. – Кто же теперь цилиндры носит? Старики да фаты”. Но отсутствие головного убора также указывает на социальный статус, более того, это признак низкого социального статуса, и воспринимается такой вид как нечто неподобающее в обществе: “Долго шатался он по магазинам, долго менял шляпы, наконец ошалел, плюнул и стал ходить по городу без шляпы. Два дня проходил он таким образом, но на третий день городской вежливо заметил ему, что так невозможно, что в благоустроенном государстве нельзя ходить по улицам без шапки: что иностранцы подумают?”.

Таким образом приходим к выводу, что в художественном тексте автор имплицитно сообщает о статусе своих персонажей. Читатель, используя подтекстовую информацию и фоновые знания, самостоятельно интерпретирует социальное положение героев.

Л и т е р а т у р а :

1. *Баженова О. Е.* Социокультурный код в мундире горного офицера 18-19 вв. / О. Е. Баженова ; Всероссийский семинар молодых ученых // Дефиниции культуры. Вып. I. – Томск, 1998. – С. 31-35.
2. *Верещагин Е. М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 216 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 616 с.
4. *Вуколова В. А.* Экспрессивы как сигналы подтекстовой информации (на материале рассказов Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Виолетта Александровна Вуколова. – 234 с.

5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992 – 330 с.
7. Песчанская Е. В. Вербализация паралингвистической ситуации в прозе А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Екатерина Викторовна Песчанская. – 218 с.
8. Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление / Т. И. Сильман // НДВШ Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84-90.
9. Слухай Н. В. Художественный образ в аспекте лингвистики текста / Н. В. Слухай. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое издательство, 2000. – 92 с.
10. Федосюк М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М. Ю. Федосюк. – М., 1988. – 83 с.
11. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 264 с.
12. Антон Чехов. Рассказы. Повести. Юморески. [Электронный ресурс] / Антон Чехов. – Режим доступа : <http://chegov.niv.ru/chegov/text/rassказы.html>
13. История шляпы в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wiki.wildberries.ru/things/hats>.
14. Наука и жизнь. Перчатки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nkj.ru/archive/articles/2248/>
15. Теория культуры : учебное пособие. – СПб. : Питер, 2008. – 592 с: ил. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/cultur/theory_cultlonnik-bolshakova-2008-a..html
16. Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar>

Titarenko M. V. Implication and background knowledge role for interpreting social status in a fictional text stories (based on Anton Chekhov's stories).

Article is devoted to the role of implication in describing the social status of the characters in fictional texts. Based on A. Chekhov's short stories were analyzed signs, which represent status. Special attention is paid to the reader's background and encyclopedic knowledge, which affect the status of an adequate interpretation.

Keywords: social status, implication, extralinguistic factor

Титаренко М. В. Роль підтексту та фонових знань для інтерпретації соціального статусу в художньому творі (на матеріалі розповідей А. П. Чехова).

Стаття присвячена експлікації соціального статусу персонажів в художньому тексті, а також ролі в цьому процесі підтекстової інформації. На матеріалі розповідей А. П. Чехова здійснено аналіз знаків, які передають соціальний статус. Особлива увага приділяється фоновим та енциклопедичним знанням читача, які сприяють адекватній інтерпретації статусу.

Ключові слова: соціальний статус, підтекст, екстралінгвістичний фактор